

Секьюритизация сферы содействия международному развитию: анализ политического дискурса

В.И. Бартенев

Бартенев Владимир Игоревич – к.и.н., доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова; директор Центра проблем безопасности и развития ФМП МГУ; E-mail: vladimir.bartenev@fmp.msu.ru

Ключевые слова: безопасность, конфликты, развитие, помощь развитию, секьюритизация, миростроительство, «война с терроризмом», «нестабильные государства», политический дискурс.

Key words: security, conflicts, development, development assistance, securitization, peace-building, state-building, "war on terror", fragile states, political discourse.

В последние годы одной из самых обсуждаемых проблем в зарубежной политологии стал феномен секьюритизации сферы содействия международному развитию – подчинение процесса структурирования, обоснования, разработки и реализации политики СМР императивам безопасности, в основе которых лежит восприятие отставания в развитии как угрозы. По мнению экспертов, этот феномен проявляется на трех различных уровнях: в дискурсе политических лидеров и языке документов международных организаций (макроуровень); в изменениях институциональной структуры, объема и направленности потоков помощи развитию (мезоуровень) и на уровне планирования и реализации конкретных программ и проектов (микроуровень). Цель статьи – изучить проявления секьюритизации сферы СМР на макроуровне, обозначить ключевые элементы «акта секьюритизации» как дискурсивной практики и поставить вопрос о перспективах сохранения указанной тенденции.

Вот уже более десяти лет главным ориентиром для мирового сообщества в сфере содействия международному развитию служат Цели развития тысячелетия (ЦРТ), принятые на Саммите тысячелетия ООН в 2000 г. Подписание «Декларации тысячелетия» и закрепление в ней привязанных к конкретным срокам (2015 г.) и поддающихся оценке целей и показателей в области борьбы с бедностью, голодом, болезнями, неграмотностью, ухудшением состояния окружающей среды и дискриминацией в отношении женщин было воспринято как подлинно революционный прорыв в решении проблем обеспечения устойчивого развития в глобальном масштабе. Однако десять лет спустя оптимизм сменился обеспокоенностью, граничащей с разочарованием и пессимизмом. Лейтмотивом Саммита тысячелетия 2010 г. стала констатация явного отставания от «графика развития». Уже сейчас есть все основания полагать, что амбициозные цели, зафиксированные в «Декларации тысячелетия», к установленному сроку – 2015 г. – во многих развивающихся странах достигнуты не будут [25].

Мировые лидеры называют бесчисленное множество объективных причин подобного отставания: тяжелейший финансовый кризис, войны и конфликты, коррупция, стихийные бедствия и климатические изменения. При этом в политическом дискурсе нередко замалчивается еще одна важная причина, которая носит, скорее, субъективный характер и имеет отношение к деятельности самих доноров, их

мотивации, накладывающей отпечаток на географию, секторальные приоритеты и формы оказания помощи. Речь идет о явлении, получившем название «секьюритизация сферы содействия международному развитию».

Используя термин «секьюритизация» в отношении содействия развитию, зарубежные ученые употребляют его в том значении, которое было сформулировано в трудах представителей Копенгагенской школы исследований в области безопасности (международные отношения)¹ – Б. Бузана, О. Уивера и Я. Де Вилда, попытавшихся определить пределы допустимости включения невоенных угроз в поле безопасности [13, 52]. Подходя к вопросу с конструктивистских позиций, они предложили фокусировать внимание не на самих угрозах, а на «секьюритизации» – придании международной или внутренней проблеме статуса «особой», относящейся к «высокой» категории безопасности, и легитимизации применения для ее ре-

¹ Копенгагенская школа исследований в области безопасности возникла на базе Копенгагенского университета и ныне уже не существующего Копенгагенского института изучения мира (COPRI), в котором в разное время работали все наиболее крупные ее представители. Процесс становления данного научного направления отсчитывают с 1983 г. – момента выхода в свет книги Б. Бузана «Люди, государства и страх: проблема национальной безопасности в международных отношениях» [12]. Собственно теория секьюритизации начала приобретать очертания в первой половине 1990-х годов.

шения специальных мер, выходящих за рамки обычного политического процесса.

При этом Б. Бузан и его единомышленники особо подчеркивали, что «для секьюритизации совсем не обязательно, чтобы угроза экзистенциального характера существовала на самом деле, достаточно и того, чтобы то или иное явление представлялось в качестве таковой» [13, Р. 24]. Секьюритизация, таким образом, мыслилась как сознательный политический выбор, социально конструируемый процесс маркирования/навешивания ярлыков [13, Р. 32–33]. Ключевая роль в данном процессе отводилась действиям *секьюритизирующих акторов* (1), придающих проблеме статус угрозы безопасности *референтного объекта* (2) (будь то международная система, национальное государство, этническая группа или отдельная личность) посредством «акта секьюритизации» – убеждения *релевантной аудитории* (3) в такой необходимости, в том числе с помощью *функциональных акторов* (4), которые, не будучи инициаторами процесса секьюритизации, оказывают существенное влияние на его динамику. В то же время секьюритизация признавалась состоявшейся только в случае восприятия аудиторией дискурса секьюритизирующего актора [13, Р. 25].

Представители Копенгагенской школы подчеркивали, что секьюритизация имеет как преимущества, так и недостатки. Главным ее преимуществом, с их точки зрения, является то, что политический истэблшмент, секьюритизируя проблему, начинает требовать ее безотлагательного решения и, соответственно, выделяет для ее устранения столь же большие ресурсы, как если бы речь шла о противодействии угрозе военного характера. В качестве одного из главных негативных последствий секьюритизации называлось восприятие в традиционных для сферы безопасности милитаристских категориях не предназначенного для этого объекта. Б. Бузан и его единомышленники предостерегали политиков от «избыточной», контрпродуктивной секьюритизации [13, Р. 212]. Так, О. Уивер, предложил идею «десекуритизации» – исключения проблем из повестки дня национальной/международной безопасности, тем самым придав теории концептуальную завершенность [52].

Представители Копенгагенской школы, рассуждая в середине 1990-х годов о расширении повестки дня безопасности посредством секьюритизации нетрадиционных угроз, не упоминали область содействия развитию. Однако спустя десять лет именно в их трудах за-

рубежные политологи увидели теоретическое обоснование для интерпретации новых тенденций, рельефно обозначившихся к тому времени в сфере СМР.

Под секьюритизацией сферы содействия международному развитию сегодня понимается «подчинение процесса структурирования, обоснования, разработки и имплементации политики содействия развитию императивам глобальной и национальной безопасности» [30, Р. 1280], в основе которых лежит восприятие отставания в развитии как угрозы [26, Р. 54]. По мнению профессоров Лондонской школы экономики Дж. Линда и Дж. Хауэлл, данный процесс проявляется на трех различных уровнях: в заявлениях политических лидеров и языке документов международных организаций (макроуровень); в изменениях институциональной структуры, объемов и направленности потоков помощи (мезоуровень) и на уровне планирования и реализации конкретных программ и проектов (микроуровень) [30, 31].

Осмысление процесса секьюритизации помощи развитию в последние годы заняло видное место в зарубежной политологии [17, 20, 46, 48], однако в отечественной научной литературе эта тема еще не становилась предметом самостоятельного исследования. Настоящая статья открывает цикл публикаций, призванных восполнить данный пробел. Ее цель – изучить феномен секьюритизации сферы содействия международному развитию на макроуровне политического дискурса, обозначить ключевые элементы «акта секьюритизации» как дискурсивной практики (секьюритизирующие акторы, функциональные акторы, референтный объект, аудитория), а также поставить вопрос о перспективах сохранения тенденции к подчинению СМР императивам безопасности.

Прежде чем приступить к анализу секьюритизации современного политического дискурса по проблемам помощи развитию, хотелось бы, в первую очередь, сделать одну важную оговорку, связанную со смысловыми особенностями термина «секьюритизация». Используя существительное, образованное от глагола «секьюритизировать» (*securitize*), Б. Бузан, О. Уивер и Я. де Вилд акцентировали обретение объектами и явлениями, ранее находившимися за пределами «высокой политики», *принципиально нового* качества в результате их включения в пространство безопасности. Оправданность применения данной лексики в отношении многих вызовов невоенного характера (энергетических, экологических, информационных), вышедших на первый план только

после распада «биполярности» с ее безусловным преобладанием императивов «ядерного сдерживания», не вызывает сомнения. Однако со сферой СМР дело обстоит иначе.

Институт оказания помощи развивающимся странам изначально был вписан в контекст биполярной конфронтации и «секьюритизирован». Начиная с провозглашения программы «Четвертого пункта» Г. Трумэна на заре «холодной войны» в противостоянии Восток – Запад невоенная помощь странам периферии выполняла не только идеологическую функцию, будучи инструментом в борьбе конкурирующих моделей развития (капитализма и социализма), но и стратегическую, имевшую непосредственное отношение к обеспечению национальной безопасности. Соединенные Штаты, руководствуясь идеей о том, что чем беднее общество, тем выше опасность прихода к власти в нем левых сил, которая чуть ранее легла в основу Плана Маршалла, помогали «отсталым регионам» с целью сдерживания коммунистической угрозы. Советский Союз, в свою очередь, пытался ослабить позиции империализма и закрепиться в стратегически важных регионах. В общем и целом помощь развитию использовалась для укрепления союзов и вознаграждения «дружественных» режимов в «третьем мире», который после Карибского кризиса, продемонстрировавшего невозможность лобового столкновения двух «сверхдержав», стал главным полигоном их борьбы за глобальное лидерство.

В итоге идейный акцент политики оказания невоенной помощи на содействии развитию, присутствовавший (пусть и в несколько завуалированной форме) при обсуждении «Четвертого пункта» программы Г. Трумэна в США в конце 1940-х годов [1], практически с самого начала был если и не «выхолощен» полностью, то заретуширован. Выбор региональных и секторальных приоритетов в сфере СМР на протяжении четырех десятилетий главным образом был подчинен геостратегическим императивам и предопределялся характером политических взаимоотношений между донорами и реципиентами, что нередко позволяло лидерам стран третьего мира «эксплуатировать» своих покровителей, пользуясь их щедростью для реализации национальных, а подчас и сугубо личных интересов. Как следствие, помощь нередко, вместо того чтобы способствовать развитию, препятствовала ему.

Окончание «холодной войны», распад соцлагеря и Советского Союза, породившие эйфорические настроения относительно торжества

либерально-демократических ценностей и капиталистической модели развития в глобальном масштабе, напротив, привели к деполитизации и десекуритизации сферы СМР. Это, с одной стороны, предопределило резкое сокращение объемов помощи развивающимся странам, с другой – позволило сконцентрироваться на задачах собственно развития (яркий тому пример – концепция «человеческого развития», принятая ООН уже в 1990 г.) [32] В этой связи наблюдаемый в последние годы феномен восприятия многих проблем развития в категориях угроз безопасности с исторической точки зрения правильнее было бы называть «ресекуритизацией». Впрочем, с учетом принципиальных изменений в среде безопасности в конце XX – начале XXI вв. по сравнению с эпохой «холодной войны» использование термина «секьюритизация» представляется методологически допустимым. Однако возникает вопрос: когда и по какой причине произошел «обрыв» обозначенной выше тенденции к десекуритизации и ее разворот в противоположном направлении?

По мнению большинства исследователей, первые признаки новой «секьюритизации» сферы СМР появились уже к середине 1990-х годов. Резкое увеличение числа внутренних конфликтов в странах бывшего третьего мира предопределило нормативный сдвиг в понимании безопасности и развития, а также их взаимосвязи. В роли главного секьюритизирующего актора выступила Организация Объединенных Наций, обосновавшая необходимость отхода от традиционного, этатистского и милитаристского понимания безопасности в категориях защиты территории от нападения извне. Результатом интеллектуальных усилий в данном направлении стала «гуманизация безопасности» [35, Р. XII], изменение ее референтного объекта посредством выдвижения понятия человеческой безопасности, определяемой как защищенность от хронических угроз, таких как голод, болезни, репрессии, а также защита от неожиданного и пагубного нарушения образа повседневной жизни [33]. Отличаясь от понятия «человеческое развитие», данный термин, тем не менее, был тесно связан с ним: «Отсутствие или ограничение человеческого развития ведет к нищете, голоду, болезням и сохранению неравенства между этническими общинами. Ограничение доступа к властным полномочиям и экономическим возможностям, в свою очередь, может вызвать вспышку вооруженного насилия», – отмечалось в Докладе о человеческом развитии ООН в 1994 г. [33, Р. 24]

Прямым следствием «гуманизации» и отчасти «девелопментализации безопасности»² (developmentalization of security) стало переосмысление концепта миростроительства, вошедшего в международно-политический лексикон в 1992 г. после публикации отчета Генерального секретаря ООН Б. Бутроса-Гали «Повестка дня для мира: превентивная дипломатия, миротворчество и поддержание мира» [7]. Уже в 1994 г. был опубликован отчет «Повестка дня для развития», в котором развитие называлось необходимым условием достижения мира [8]. При этом изменилось и понимание «мира»: речь шла уже не о «негативном мире» (отсутствии конфликта), а о «позитивном», понимаемом как отсутствие структурного насилия в обществе, достичь которого предполагалось посредством укрепления «человеческой безопасности» и устранения фундаментальных причин конфликтов. В конечном счете в «Дополнении к Повестке дня для мира» 1994 г. миростроительство утратило привязку к постконфликтной стадии мирного процесса [4]. Теперь укрепление мира должно было начинаться до его формального наступления и включать широкий комплекс мер, в том числе содействие социальному и экономическому развитию, демилитаризацию, обеспечение контроля над распространением стрелкового оружия, реформирование институтов, избирательных и правовых систем, защиту прав человека и т.п. Данная идея нашла отражение и в «Докладе тысячелетия ООН», констатировавшем необходимость внедрения интегрированного подхода к предотвращению конфликтов [2]. В итоге, если ранее ответственность за миростроительство возлагалась на сотрудников агентств содействия международному развитию и неправительственные организации, которые приступали к работе после прекращения огня, то теперь часть полномочий в сфере оказания помощи развитию была делегирована солдатам-миротворцам. «Девелопментализация безопасности» обернулась «секьюритизацией развития».

² «Девелопментализация безопасности» – своего рода зеркальное отражение «секьюритизации развития». Данное понятие нередко встречается в научной литературе в трудах, посвященных проблемам постконфликтной реконструкции и реализации программ разоружения, демобилизации и реинтеграции (Disarmament, Demobilization, and Reintegration – DDR), реформирования сектора безопасности (Security Sector Reform – SSR) [50]. Некоторыми исследователями «девелопментализация безопасности» также рассматривается как дискурсивная практика, тесно связанная с «секьюритизацией развития» [51].

Признаки секьюритизации наблюдались и в еще одном измерении, также связанном с резким увеличением числа внутренних конфликтов в странах бывшего третьего мира, но изначально имевшем отношение не к ОПР, а к гуманитарной и чрезвычайной помощи. Отправной точкой послужил геноцид в Руанде в 1994 г., анализ причин которого позволил прийти к неутешительному выводу о том, что гуманитарная помощь явилась дополнительным катализатором одной из самых мощных вспышек этнического насилия в истории человечества. Это разрушило преобладавшие в начале 1990-х годов представления о помощи как «политически нейтральном» инструменте, и поставило вопрос о влиянии различных форм иностранной помощи (как гуманитарной, так и помощи развитию) на условия протекания внутреннего конфликта. Наибольшую огласку приобрел проект американской исследовательницы М. Андерсон “Local Capacities for Peace”, сегодня известный как проект “Do No Harm” («Не причинить вреда»). После публикации одноименной книги в 1999 г. [9] термин «конфликточувствительность» (conflict-sensitivity) стал новой мантрой в сфере СМР – крупнейшие доноры приступили к разработке инструкций по оказанию помощи с учетом ее влияния на конфликтный контекст и начали внедрять их положения на практике.

В совокупности данные факторы потребовали от агентств, ответственных за содействие развитию, и воинских контингентов, участвующих в урегулировании конфликтов, более тесной координации действий, что способствовало дальнейшему размыванию границ между безопасностью и развитием. Хотя указанная тенденция обозначилась еще в 1990-е годы, действительно крупные масштабы она приобрела уже в начале XXI в.

Мощнейшим катализатором процесса секьюритизации сферы развития стали крупнейшие в истории человечества теракты 11 сентября 2001 г., осуществленные террористической организацией «Аль-Каида», которая на протяжении многих лет действовала на территории одного из беднейших государств планеты – Афганистана, пользуясь покровительством режима талибов. Трагедия заставила политический истеблишмент ведущих стран Запада и международные организации переосмыслить принципы оказания иностранной помощи и сделать ее интегральным компонентом стратегии национальной безопасности.

Ключевую роль в этом процессе сыграли, безусловно, Соединенные Штаты, где к власти

незадолго до терактов пришли представители крайне консервативного крыла республиканской партии во главе с Дж. Бушем-мл. В условиях, когда США оказались жертвой страшной трагедии беспрецедентного масштаба, неоконсерваторы получили легитимные основания для того, чтобы начать перестройку международной реальности в соответствии с теми идейными принципами, которые были озвучены ими задолго до 11 сентября 2001 г. Реализовав свое стремление к изменению глобальной роли США и отказу от «лидерства путем примера» в пользу «лидерства путем доминирования», они предприняли масштабные усилия для присвоения «высокого статуса» широкому спектру проблем, ранее относящихся к «низкой политике». В их число вошла и борьба с бедностью, которая в контексте провозглашения «глобальной войны с терроризмом» приобрела новый смысл.

Спустя несколько месяцев после терактов, 13 марта 2002 г., на сессии Межамериканского банка развития Дж. Буш-мл. объявил об учреждении специального Счета на преодоление вызовов тысячелетия (Millenium Challenge Account) – новой инициативы, направленной на борьбу с бедностью, дав ей следующее обоснование: «Мы стремимся к обеспечению процветания и созданию новых возможностей потому, что они помогают нам бороться с терроризмом. Однако непреодолимая бедность и политические притеснения ведут к утрате надежды и отчаянию, а когда правительства оказываются неспособны удовлетворить базовые потребности своих граждан, эти несостоявшиеся государства могут стать убежищами для террористов» [11]. Несколько дней спустя президент США почти буквально повторил данную мысль на Международной конференции ООН по финансированию развития в Монтеррее, сведя ее к еще более лаконичной формуле: «Мы боремся с бедностью, потому что надежда является ответом терроризму» [41].

Идея секьюритизации помощи развитию была немедленно закреплена в важнейшем доктринальном документе – Стратегии национальной безопасности США 2002 г. В преамбуле к данному документу, два из девяти разделов которого посвящены непосредственно проблемам развития, в частности, отмечалось: «События 11 сентября 2001 г. научили нас тому, что слабые государства, такие как Афганистан, могут представлять настолько же большую угрозу нашим национальным интересам, как и сильные государства. Нищета не превращает бедных людей в террористов и убийц, однако

нищета, слабость государственных институтов и коррупция могут сделать слабые государства уязвимыми для действий террористических сетей и наркокартелей на их территории» [37]. В СНБ-2002 также впервые отчетливо прозвучала мысль о том, что отныне США будут воспринимать оказание помощи развитию в качестве важнейшего компонента стратегии национальной безопасности, наряду с дипломатией и обороной (концепция 3D – Diplomacy, Defense, Development). Доктринальный акцент на “3D” нашел отражение также в Национальной стратегии США по борьбе с терроризмом 2003 г., которая определяла целью содействия развитию устранение тех фундаментальных причин, которые террористы стремятся использовать в своих целях» [39].

Хотя впоследствии Дж. Буш-мл. и члены его ближайшего окружения выражали сомнения относительно правомерности прямой увязки терроризма с отставанием в развитии, идея «смычки» развития с безопасностью³ сохранялась и после смещения акцента во внешней политике США с «войны с терроризмом» на демократизацию. Так, выступая перед комитетом по международным делам Сената в феврале 2006 г., госсекретарь К. Райс подчеркнула «невозможность проведения четкого разграничения между интересами национальной безопасности США, интересами развития и интересами защиты демократических идеалов в современном мире» [43].

Концепция “3D” была полностью взята на вооружение администрацией Б. Обамы, несмотря на ярко выраженное стремление демократов дистанцироваться от республиканцев в максимально большом количестве вопросов внутренней и внешней политики. Так, Х. Клинтон, выступая 13 января 2009 г. перед Комитетом по международным делам Сената на слушаниях, посвященных утверждению ее кандидатуры на пост госсекретаря США, заявила: «Американская внешняя политика имеет три столпа: обо-

³ «Смычка» безопасности и развития (security-development nexus) – понятие, введенное шведским теоретиком развития Б. Хеттне еще в 1980-х годах [27], но получившее широкое распространение в научном и политическом дискурсе по проблемам СМР лишь в 2000-е годы, в том числе благодаря открытию в 2003 г. одноименной программы в Международной академии мира (ныне Международном институте мира) в Нью-Йорке. Означает взаимозависимость и взаимовлияние проблем безопасности и развития. При этом единого определения этого термина не существует, и оценки глубины и направленности связей между безопасностью и развитием у различных исследователей существенно варьируют [28, 49, 20].

рона, дипломатия и развитие. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы донести мысль о том, что энергичная дипломатия и эффективное развитие являются лучшими долгосрочными инструментами обеспечения желаемого будущего для Америки» [51]. Концепция «3D» получила дальнейшее развитие в Стратегии национальной безопасности США 2010 г. При этом СНБ-2010 содержала развернутое определение целей и задач самого развития, которое представляется настолько показательным с точки зрения раскрытия заявленной в статье проблематики, что мы позволим себе привести его без купюр: «Развитие представляет собой *стратегический, экономический и моральный императив*. Мы концентрируемся на оказании помощи развивающимся странам и их населению *с целью устранения угроз безопасности*, извлечения преимуществ из процессов экономической глобализации и учреждения подотчетных демократических институтов, способных выполнять базовые человеческие потребности. *С помощью активной политики содействия развитию и выделения адекватных [характеру задач] ресурсов мы сможем укрепить позиции наших региональных партнеров, чья помощь требуется нам для прекращения вооруженных конфликтов и борьбы с глобальными криминальными сетями* (курсив мой. – В. Б.); помочь развитию стабильной, инклюзивной глобальной экономики... и в конечном счете расширить наши возможности по решению ключевых глобальных проблем посредством продвижения идей демократии и защиты прав человека...» [38, Р. 15].

Коль скоро каждое предложение в тексте СНБ как главного «доктринального» внешнеполитического документа имеет особенно большую смысловую нагрузку, порядок расстановки слов в нем никогда не бывает случайным, являясь частью процесса структурирования основополагающих идей. В этой связи невозможно не обратить внимание на тот факт, что во всех трех предложениях в приведенной цитате на первое место поставлены цели и задачи стратегического характера, вписанные в поле безопасности, в то время как императивы социально-политического и экономического характера отнесены на второй план.

Несмотря на заметные различия в тоне формулировок, касающихся взаимосвязи безопасности и развития, между СНБ-2002 и СНБ-2010 – в последнем случае куда более обтекаемых и мягких, и отсутствие прямого упоминания террористической угрозы в контексте проблем развития в первой Стратегии Б. Обамы, концептуальная преемственность между двумя ад-

министрациями видна невооруженным глазом. Шлейф, оставленный терактами 11 сентября 2001 г., особенно в условиях продолжения военной кампании в Афганистане и сохранения присутствия в Ираке, тянется в американской политике СМР до сих пор. Для этого достаточно вспомнить высказывания Б. Обамы в одном из интервью, данном вскоре после объявления об отправке дополнительного 17-тысячного воинского контингента в Афганистан весной 2009 г.: «Я абсолютно убежден, что нельзя решить проблему Афганистана, Талибана, распространения экстремизма в регионе только военными средствами... Нам придется использовать дипломатию... Нам придется использовать содействие развитию...» [40].

Впрочем, секьюритизация дискурса по проблемам содействия развитию в последние годы характерна не только для США. Другие крупнейшие доноры начали подходить к оказанию помощи развитию – в том числе и под влиянием государства-лидера – с близких позиций, выступив в роли секьюритизирующих акторов второго порядка. В наибольшей степени предложенная Белым домом трактовка была воспринята англосаксонскими странами – ближайшими союзниками Вашингтона в «войне с терроризмом»: Великобританией, Канадой, Австралией.

Особенно показательным было изменение дискурса по проблемам развития в Великобритании. Так, например, выступая в Конгрессе США 17 июля 2003 г., премьер-министр Т. Блэр указал на связь между бедностью, отсутствием свободы и терроризмом [10], а некоторое время спустя его будущий преемник – Г. Браун, в ту пору министр финансов, заявил, что помимо этического императива борьба с бедностью имеет и стратегический компонент – отказ от ведения такой борьбы «ведет к гражданским войнам, возникновению несостоявшихся государств и убежищ для террористов» [32].

Однако, пожалуй, наиболее характерным примером секьюритизации британского дискурса по проблемам развития стало заявление Т. Блэра на Всемирном экономическом форуме 2005 г.: «Необходимость делать выбор между повесткой дня, фокусирующейся на проблемах терроризма, и повесткой, фокусирующейся на борьбе с бедностью в глобальном масштабе, сегодня представляется совершенно абсурдной» [47]. Озвученная премьер-министром идея тут же нашла отражение в документе Министерства содействия международному развитию Великобритании 2005 г. «Борьба с бедностью как способ построения более безопасного

мира: стратегия обеспечения безопасности и развития» [22]. Хотя в стратегии утверждалось, что политика СМР не должна полностью подчиняться императивам глобальной безопасности, в ней особо подчеркивалась необходимость того, чтобы цели развития и цели безопасности «подкрепляли друг друга» [22, Р. 13].

В этой связи вряд ли стоит удивляться тому, что именно США и Великобритания в лице своих агентств содействия международному развитию (USAID и DFID соответственно) выступили в качестве главных популяризаторов темы «нестабильных государств» (fragile states), подготовив в январе 2005 г. с разницей в несколько дней стратегические документы по данной проблематике [23, 24]. В их основу были положены две основные идеи: 1) вооруженные конфликты и слабость государственных институтов в так называемых «нестабильных государствах» являются главными проблемами развития на современном этапе; 2) главными направлениями содействия развитию должны являться «миростроительство» и государственное строительство. При этом нестабильность рассматривалась одновременно и как угроза устойчивому развитию, и как угроза безопасности, сопряженная с такими серьезными вызовами национальной безопасности стран доноров, как терроризм, распространение оружия массового уничтожения, транснациональная преступность и т.д.

Произошедшее на уровне отдельных государств (Великобритания, Франция, Германия, Дания, Нидерланды и др.) изменение европейского дискурса получило развитие и на уровне ЕС как транснационального объединения, найдя отражение в важнейшем «доктринальном» документе – Европейской стратегии безопасности (ЕСБ), принятой Европейским Советом в декабре 2003 г. Включив в пространство безопасности широкий спектр проблем, начиная с продовольственной и человеческой безопасности и заканчивая «несостоявшимися государствами», Европейский Совет сделал особый акцент на том, что обеспечение безопасности требует использования разнообразных инструментов – «от военной силы до дипломатического вовлечения, торговли, содействия развитию и гуманитарной помощи» [45]. При этом в ЕСБ отчетливо прозвучал тезис о том, что, с одной стороны, «безопасность является необходимым условием для развития» [45, Р. 8], а с другой – «бедность и болезни ведут к возникновению проблем безопасности, требующих неотложного решения» [17, Р. 2].

Совет особо подчеркивал, что ЕС должен свести воедино все программы помощи, включая ресурсы Европейского фонда развития (ЕФР) с целью укрепления «безопасности ЕС и безопасности третьих стран» [45, С. 13]. Прямое упоминание ЕФР в стратегии безопасности и увязка программ помощи развитию с безопасностью стран – членов ЕС свидетельствовали о том, что Европейский Совет фактически приравнял безопасность ЕС к безопасности в странах бывшего третьего мира и сделал помощь развитию важнейшим компонентом ее обеспечения.

Вскоре после публикации ЕСБ представители европейских государств начали формулировать поправки к Соглашению Котону со странами Африки, Карибского бассейна и Тихоокеанского региона, вступившему в силу в 2000 г. В преамбуле измененного Соглашения черным по белому было написано: «Политическая среда, гарантирующая мир, безопасность и стабильность, уважение к правам человека, демократическим принципам, верховенству закона и благому управлению, является неотъемлемой частью долгосрочного развития» [22, Preamble]. Так, по словам британской исследовательницы А. Хэдфилд, был закреплен «парадигмальный сдвиг от развития, сфокусированного на проблемах помощи и зафиксированного в Ломейской и Яундской конвенциях, к политизированным и секьюритизированным целям, сфокусированным на реформах» [26, Р. 41–43] посредством привязки гарантий оказания помощи к выполнению странами-партнерами определенных условий в области демократии, благого управления и защиты прав человека. При этом часть требований имела непосредственное отношение к сфере безопасности. В ст. 11 нового Соглашения четко прописано, что страны АКТ обязаны сотрудничать в таких сферах, как искоренение наемничества и борьба с терроризмом, противодействие распространению оружия массового уничтожения (ОМУ) и защита прав человека, в том числе посредством участия в разнообразных международных соглашениях, включая членство в Международном уголовном суде [22, art. 11]. Сделав акцент на политической кондициональности, ЕС предпринял попытку оформить новый, интегральный подход к безопасности «через развитие» и к развитию «через безопасность».

Восприятие ЕС как транснациональным объединением нового обоснования содействия международному развитию, предложенного США, и закрепление его в важнейших «доктри-

нальных» документах и международных соглашениях создало необходимую основу для дальнейшего укрепления консенсуса относительно необходимости восприятия безопасности и развития в связке друг с другом и переключения внимания на «нестабильные государства».

Ключевую роль в этом процессе сыграли такие организации, как Всемирный банк и ОЭСР. Важнейшим символическим шагом, предпринятым Всемирным банком, стало введение в ноябре 2001 г. специальной категории LICUS (low-income countries under stress – страны с низким уровнем дохода, находящиеся в сложной ситуации) и ее последующая замена термином «нестабильные государства» (fragile states) с еще более «секьюритизированной» смысловой нагрузкой. Широкою огласку также получила программная статья президента Всемирного банка Р. Зеллика, опубликованная в журнале “Survival” в 2008 г., с многозначительным названием “Fragile States: Securing Development”, которое дословно можно перевести как «Нестабильные государства: обеспечение развития», но с учетом содержания статьи, скорее, следует понимать как «Нестабильные государства: секьюритизация развития» [54]. В данном манифесте, в частности, отмечалось: «Нестабильные государства представляют собой самую сложную проблему развития нашего времени... Слишком часто донорское сообщество воспринимало государства, затронутые нестабильностью и конфликтами, как наиболее сложные случаи с точки зрения обеспечения развития... Однако данные ситуации требуют перехода от традиционного анализа проблем развития к другой парадигме – укреплению безопасности, легитимности, управления и экономики. Это не привычная безопасность и не привычное развитие... Речь идет о “секьюритизации развития” – соединении безопасности и развития, сначала для сглаживания перехода от конфликтного к мирному развитию, а затем для укрепления стабильности с тем, чтобы развитие могло продолжаться более десятилетия...» [54, Р. 69].

«Другая парадигма», обозначенная Р. Зелликом, в последние годы получила широкое распространение в деятельности Всемирного банка и нашла, в частности, отражение в последнем «Докладе о всемирном развитии» 2011 г. Он вышел с подзаголовком «Конфликты, безопасность и развитие» и был посвящен рассмотрению конфликтов как вызовов экономическому развитию, природы, причин и последствий вооруженного насилия (в том числе для развития) и анализу прошлых уроков

предотвращения или устранения последствий вооруженных конфликтов [53].

Огромную роль в процессе секьюритизации развития и укрепления консенсуса относительно «нестабильных государств» как главного объекта содействия развитию сыграла Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Так, уже в 2002 г. Комитет по содействию развитию (КСР) ОЭСР опубликовал довольно противоречивый документ «Борьба с терроризмом сквозь призму содействия развитию: план действий», основная идея которого заключалась в том, что «содействие развитию может сыграть важную роль в лишении террористов поддержки со стороны населения и устранении условий, которые подпитывают лидеров террористических организаций и используются ими в своих [политических] целях [19, Р. 21].

Важнейшим элементом деятельности ОЭСР как функционального актора стало изменение критериев Официальной помощи развитию (ОПР) на саммите министров и глав агентств содействия международному развитию стран, входящих в КСР ОЭСР, в марте 2005 г.: теперь как ОПР могли квалифицироваться также меры по предотвращению вербовки детей в вооруженные формирования, укреплению роли гражданского общества в системе безопасности и обеспечению гражданского и демократического контроля за расходованием средств в сфере безопасности [15]. Более того, сейчас в ОЭСР обсуждается идея включения в ОПР еще большего числа инструментов помощи, имеющих отношение к реформе сектора безопасности (SSR – security sector reform) и миростроительству. Хотя пока решение по данному вопросу не принято, нет никаких сомнений в том, что любые усилия в этом направлении будут способствовать дальнейшему укреплению взаимосвязей между безопасностью и развитием.

Представляется важным отметить и тот факт, что на протяжении последних пяти лет ОЭСР является одним из главных популяризаторов проблематики «нестабильных государств» (именно ей посвящено подавляющее большинство документов организации) и, пожалуй, основным генератором интеллектуальных инноваций в сфере борьбы с теми вызовами безопасности и развитию, которые эти государства представляют. Организация постоянно уточняет определение «хрупких государств», разрабатывает принципы оказания помощи в нестабильных ситуациях, уточняет и обновляет содержание понятий «государствен-

ное строительство» и «миростроительство» [14, 15, 42, 50].

Сам факт вынесения Всемирным банком и ОЭСР – организациями, ответственными за содействие развитию, на первое место проблем конфликтов и безопасности, которые долгое время являлись эксклюзивной «вотчиной» ООН, указывает не только на трансформацию дискурсивных практик, но и на влияние секьюритизации на глобальную систему СМР – изменение характера деятельности ее ключевых элементов.

Сказанное может быть отнесено и к самой ООН, дискурс которой по проблемам развития также подвергся секьюритизации. Наиболее яркое отражение признание взаимосвязи безопасности и развития нашло на Всемирном саммите ООН в сентябре 2005 г., по итогам которого Генеральная Ассамблея приняла резолюцию 60/1, содержащую следующую формулировку: «Мы признаем, что мир и безопасность, развитие и права человека являются опорами, на которых покоится система Организации Объединенных Наций, и основами коллективной безопасности и благосостояния. Мы признаем, что развитие, мир, безопасность и права человека являются взаимосвязанными и взаимоусиливающими». Еще более отчетливо данная идея прозвучала в получившем широкую огласку отчете Генерального секретаря «При большей свободе: к развитию, безопасности и правам человека для всех»: «Мы не можем обеспечить развитие, не обеспечив безопасность, мы не можем обеспечить безопасность, не обеспечив развитие, и мы, конечно же, не можем обеспечить ни то, ни другое без обеспечения прав человека» [3].

Другими словами, Всемирный банк, ОЭСР и ООН сыграли в процессе секьюритизации помощи развитию роль функциональных акторов, распространив идеи, предложенные секьюритизирующими акторами – Соединенными Штатами и их ближайшими союзниками. В этом же качестве выступили также сами развивающиеся страны, ведомства и неправительственные организации, непосредственно занимающиеся вопросами содействия развитию, научно-исследовательские институты и «фабрики мысли» (такие, например, как американский Центр изучения глобального развития (Center for Global Development – CGD)⁴ (США), британские Институт международного развития (Overseas

Development Institute – ODI)⁵ и Центр изучения кризисных государств при Лондонской школе экономики (Crisis State Research Center – CSRC⁶) и др. Как представляется, их «включение» в процесс было обусловлено в том числе и вполне материалистическими соображениями.

Придание проблемам отставания в развитии высокого статуса угрозы безопасности неизбежно должно было повлечь за собой общее увеличение объемов помощи, что было выгодно всем вышеперечисленным субъектам. Не имея ни возможности, ни, главное, желания остановить процесс секьюритизации в «зародыше», они вовлекались в него на тех условиях, которые были предложены секьюритизирующими акторами, мало думая об их мотивации. Это, в свою очередь, придавало не только дополнительный динамизм данному процессу, но и повышало легитимность действий секьюритизирующих акторов, повышая шансы на «усвоение» нового дискурса аудиторией – гражданами развитых стран Запада. Как налогоплательщики последние могли потребовать разворота данного тренда в противоположном направлении, и тогда бы «акт секьюритизации», если верить представителям Копенгагенской школы, не «состоялся» бы. Однако после трагедии 11 сентября 2001 г. и терактов в Лондоне и Мадриде, имевших колоссальный психологический эффект, граждане стран Запада, осознавшие степень своей уязвимости, были готовы воспринять любые нововведения (не только в риторике, но и на практике), «подававшиеся» в антитеррористической «обертке», в том числе и касавшиеся оказания помощи развивающимся странам. Поддержка усилий секьюритизирующих акторов аудиторией означала замыкание цикла секьюритизации как дискурсивной практики.

В этих условиях, при наличии столь явного консенсуса между ключевыми акторами относительно укрепления «смычки» между безопасностью и развитием на макроуровне, феномен секьюритизации, несомненно, должен был проявиться и на более низких уровнях, связанных с воплощением новых идейных установок в жизнь. И это действительно произошло. На мезоуровне секьюритизация проявилась в форме проникновения акторов, ответственных за обеспечение безопасности, в сферу планирования и координации политики в области развития,

⁵ Overseas Development Institute. URL: <http://www.odi.org.uk/> (date of access: 27.05.2011).

⁶ Crisis State Research Center. URL: <http://www2.lse.ac.uk/internationalDevelopment/research/crisisStates/Home.aspx> (date of access: 27.05.2011).

⁴ Center for Global Development. URL: <http://www.cgdev.org/> (date of access: 15.06.2011).

что повлекло за собой изменение институциональной структуры системы СМР как на национальном, так и на международном уровне, резкое увеличение объемов помощи и перераспределение потоков средств в соответствии с императивами национальной безопасности. На микроуровне ее проявлениями стали изменения характера программ оказания помощи, проникновение военных в сферу реализации проектов в сфере ОПР и, напротив, милитаризация деятельности гражданских представителей правительственных и неправительственных организаций на местах. Указанные изменения, нередко изначально обозначенные в публичных заявлениях официальных лиц и «доктринальных» документах лишь пунктиром, в дальнейшем находили более полное отражение в политическом дискурсе, порождая мультипликативный эффект и становясь дополнительным фактором секьюритизации как «самосоотносимой практики».

Подводя итоги, следует, в первую очередь, подчеркнуть, что феномен секьюритизации сферы содействия международному развитию, занимающий ныне умы многих зарубежных политологов, ни в коем случае не следует «осовременивать» и воспринимать как побочный продукт эпохи глобализации и уж тем более «глобальной войны с терроризмом». Помощь развитию была нагружена компонентами, имевшими прямое отношение к сфере безопасности, с момента возникновения данного института на заре «холодной войны» и оставалась секьюритизированной вплоть до ее окончания. Тенденция к десекуритизации сферы СМР, наметившаяся после распада «биполярности», оборвалась уже в середине 1990-х годов, как только стало ясно, что конфликтность на периферии с уходом в прошлое глобального противостояния Восток – Запад не только не снизилась, но, наоборот, достигла исторического максимума.

Вместе с тем в новых условиях секьюритизация сферы СМР приобрела новые формы. В роли главного секьюритизирующего актора выступила универсальная организация – ООН, которая, столкнувшись с новыми реалиями в ходе многочисленных гуманитарных операций, пошла по пути одновременной «секьюритизации развития» и «девелопментализации безопасности». Первый «вектор» нашел отражение в осознании необходимости учета влияния помощи на конфликтный контекст, второй – во внедрении концепта «человеческой безопасности», близко соприкасающегося с понятием «человеческое развитие», и переосмыслении

теории и практики миростроительства. Референтный объект безопасности изменился – теперь речь шла уже не о национальной безопасности, как в эпоху «холодной войны», а, во-первых, о безопасности человека, во-вторых – о коллективной безопасности – устранении угроз дестабилизации системы международных отношений.

Однако тенденция к «гуманизации» и разгосударствлению безопасности также оборвалась после терактов 11 сентября 2001 г. и начала «глобальной войны с терроризмом». Сама по себе секьюритизация не прекратилась, напротив, она получила новый, мощнейший импульс, но ее вектор полностью изменил направление. Оказавшись жертвой страшной трагедии, потрясшей весь мир, США узурпировали роль главного секьюритизирующего актора. Вписав содействие развитию, наряду с рядом других проблем «низкой политики», в контекст «глобальной войны с терроризмом», они также заменили референтный объект безопасности. С «человеческой безопасности», т.е. безопасности людей в странах Юга, акцент сместился на национальную безопасность США и государств Севера, которые хотели защитить своих граждан от атак террористов – выходцев из стран бывшего третьего мира. Безопасность подверглась новому огосударствлению.

Получив поддержку со стороны своих ближайших союзников, выступивших в качестве секьюритизирующих акторов второго порядка, США выдвинули на первый план повестки дня СМР проблему «несостоявшихся государств» (впоследствии названных «нестабильными») как источника транснациональных угроз безопасности стран цивилизованного мира. Международные же организации – Всемирный банк, ОЭСР, ООН – выступили в качестве функциональных акторов, способствовавших консолидации нового консенсуса в сфере СМР посредством программных заявлений и категориальных изменений. В этой же роли на начальном этапе, по сугубо материалистическим соображениям, выступили и сами развивающиеся страны, ведомства и неправительственные организации, непосредственно занимающиеся вопросами СМР, представители экспертного сообщества. Осознавая, что секьюритизация СМР должна повлечь за собой увеличение объемов помощи, они с готовностью «включились» в процесс, тем самым повысив и без того высокую восприимчивость аудитории в развитых странах к выделению дополнительных финансовых ресурсов на любые меры, способные вернуть утраченное чувство защищенности, и обеспечив конечный

«успех» секьюритизации как «самосоотносимой практики».

На первых порах оправданность рассмотрения борьбы с бедностью сквозь призму «войны с терроризмом» и обеспечения национальной безопасности стран Запада мало кем ставилась под сомнение. Отдельные голоса ученых, приводивших доказательства того, что связь между бедностью и терроризмом либо отсутствует вовсе, либо является куда более опосредованной, чем представляется участникам глобальной антитеррористической коалиции, тонули в общем хоре сторонников секьюритизации.

Впрочем, Соединенным Штатам все же пришлось произвести определенную корректировку изначально заданных ими рамок секьюритизации помощи развитию. Однако это стало не уступкой критикам, а сознательным выбором политического истеблишмента, обусловленным общей дискредитацией методов, использовавшихся США в «войне с терроризмом». Постепенное ретуширование связки «бедность – терроризм» в дискурсе по проблемам развития и расширение спектра включаемых в него угроз безопасности можно было наблюдать уже в период деятельности второй администрации Дж. Буша-мл., но особенно заметным оно стало после прихода к власти демократов во главе с Б. Обамой. Вместе с тем шлейф, оставленный терактами 11 сентября 2001 г., и «наследие Буша» в политике США как главного секьюритизирующего актора в области СМР остаются зримыми до сих пор. Белый дом по-прежнему делает акцент на глобальных последствиях отставания в развитии и «нестабильности» государств Юга, т.е. необходимости базирования стратегии национальной безопасности на принципах подхода “3D”.

В условиях, когда позиция главного секьюритизирующего актора и по совместительству крупнейшего донора остается без изменений, трансформация подходов других акторов и отказ от практики секьюритизации в ближайшем будущем представляются маловероятными.

Не располагают к этому и события так называемой «арабской весны» – пробуждения арабской нации от длительного «летаргического сна», которое выразилось в массовых народных выступлениях против пришедших к власти несколько десятилетий назад режимов во многих странах Магриба и Машрика. Режимы З. Бен Али в Тунисе и Х. Мубарака в Египте были свергнуты, в Ливии началась полномасштабная гражданская война между противниками и сторонниками режима М. Каддафи, не-

медленно подвергшаяся интернационализации, судьба правителей в таких странах, как Йемен, Бахрейн, Сирия, также оказалась под вопросом.

Превращение Арабского Востока – важнейшего в геополитическом и геоэкономическом отношении региона мира – в один большой «котел нестабильности» [5] затрагивает интересы всех без исключения крупнейших игроков на международной арене, и последний саммит «Группы восьми» во французском Довиле продемонстрировал, что помощь развитию будет одним из важнейших инструментов обеспечения этих интересов. Приняв специальную декларацию по «арабской весне» и откликнувшись на инициативу новых правительств Туниса и Египта, лидеры «Большой восьмерки» дали старт «довильскому партнерству», направленному на оказание помощи арабским странам в преодолении последствий политического кризиса и поощрение в них процессов демократизации [18]. Решение о выделении 20 млрд долл. США в виде кредитов Египту и Тунису и призыв к изменению мандатов деятельности региональных банков развития – это только начало. Мировые лидеры и далее будут исходить из того, что «события, происходящие на Ближнем Востоке и в Северной Африке, являются историческими и могут привести к таким же преобразованиям, какие произошли в Центральной и Восточной Европе после падения Берлинской стены» [18], а значит, процесс политизации и секьюритизации сферы СМР получит дальнейшее развитие.

Вместе с тем нельзя не отметить, что в последние годы голоса противников секьюритизации в экспертной среде звучат все громче. В числе негативных последствий данного процесса критики называют: неоправданное перераспределение потоков помощи в ущерб беднейшим государствам Африки; издержки «общеправительственного подхода», вызванные неизбежным усложнением бюрократических процедур; усиление угрозы жизни гражданских служащих, непосредственно вовлеченных в реализацию программ оказания помощи в зонах конфликтов, которых повстанцы в условиях милитаризации СМР все больше начинают рассматривать в качестве легитимных целей; и, наконец, искажение самой идеи содействия развитию [20, 31, 46]. В этой связи неудивительно, что ликвидация У. бен Ладена была воспринята данной группой экспертов как прекрасный повод для пересмотра принципов оказания помощи и ее постепенной десекуритизации [29].

Оценить оправданность подобного рода критики и призывов можно только после детального изучения проявления секьюритизации на мезо- и микроуровнях, которым автор предполагает посвятить свои следующие публикации.

Литература

1. Глазунова Е.Н. Программа «Четвертого пункта» Г. Трумэна и начало «холодной войны» на периферии биполярной системы // Вестник Московского университета. 2008. Сер. 8. «История». № 2. С. 39–55.
2. Доклад Генерального секретаря ООН «Мы, народы: роль Организации Объединенных Наций в XXI веке». 27.03.2000. Док. ООН A/51/2000 // A/50/60* // Официальный сайт ООН. URL: <http://www.un.org/russian/conferen/millennium/2000.htm> (дата обращения: 25.05.2011).
3. Доклад Генерального секретаря ООН «При большей свободе: к развитию, безопасности и правам человека для всех». 21.03.2005. Док. ООН A/59/2005 2005 // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/russian/largerfreedom/a59_2005.pdf (дата обращения: 25.05.2011).
4. Дополнение к Повестке дня для мира. 25.01.1994. Док. ООН A/50/60 – S/1995/1 // Официальный сайт ООН. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N95/080/97/PDF/N9508097.pdf?OpenElement> (дата обращения: 27.05.2011).
5. Маргелов М.В. После стабильности: арабский мир и пределы авторитарной модернизации // Россия в глобальной политике. 2011. № 2.
6. Морозов В.Е. Безопасность как форма политического: о секьюритизации и политизации // Полис. 2011. № 3. С. 24–35.
7. Повестка дня для мира. 02.07.1992. Док. ООН A/47/277 – S/24111 // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/siteindex/agenda_forpeace.pdf (дата обращения: 25.05.2011).
8. Повестка дня для развития. Доклад Генерального секретаря ООН. 06.05.1994. Док. ООН A/48/935 // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/siteindex/agenda_forpeace.pdf (дата обращения: 25.05.2011).
9. Anderson M. Do No Harm: How Aid Can Support Peace – or War. L.: Lynne Rienner Publishers, 1999.
10. Blair T. Speech to Congress. 17.07.2003 // CNN.com. URL: http://articles.cnn.com/2003-07-17/us/blair.transcript_1_joint-session-tragic-prologue-congress-library?_s=PM:US (date of access: 24.05.2011).
11. Bush G.W. Speech at Inter-American Development Bank // White House. 14 March 2002. URL: <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2002/03/20020314-7.html> (date of access: 23.05.2010).
12. Buzan B. People, States and Fear: The National Security Problem in International Relations. Brighton, Sussex: Wheatsheaf Books, 1983.
13. Buzan B., De Wilde J., Waever O. Security: A New Framework for Analysis. L.: Lynne-Rienner Publishers, 1998.
14. Concepts and Dilemmas of State Building in Fragile Situations. Paris: OECD/DAC, 2008. URL: <http://www.oecd.org/dataoecd/59/51/41100930.pdf> (date of access: 25.05.2011).
15. Conflict and Fragility. Do No Harm. International Support for Statehood. Paris: OECD, 2010. URL: <http://www.oecd.org/dataoecd/8/32/44409926.pdf> (date of access: 21.05.2011).
16. Conflict Prevention and Peace Building: What Counts as ODA? Paris: OECD, 2005. URL: <http://www.oecd.org/dataoecd/32/32/34535173.pdf> (date of access: 25.05.2011).
17. Constantinides A. Securitized Development: Advantages and Pitfalls of the Security Council's Involvement in Development Issues // The New International Law: An Anthology / C. Eriksen, M. Emberland (eds.). Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2010.
18. Declaration of the G8 on the Arab Spring. G8 Summit of Deauville. 26–27 May 2011. URL: <http://www.g20-g8.com/g8-g20/g8/english/live/news/declaration-of-the-g8-on-the-arab-springs.1316.html> (date of access: 30.05.2011).
19. Development Cooperation Lens on Terrorism Prevention: Key Entry Points for Action. Paris: OECD, 2003. URL: <http://www.oecd.org/dataoecd/17/4/16085708.pdf> (date of access: 30.05.2011).
20. Duffield M. The Liberal Way of Development and the Development-Security Impasse: Exploring the Global Life-Chance Divide // Security Dialogue. 2010. No. 1. P. 53–76.
21. European Commission, Partnership Agreement: ACP-EC signed 23 June 2000, revised 25 June 2005 // Directorate-General for Development and Relations with African, Caribbean, and Pacific States. URL: <http://ec.europa.eu/development/icenter/> (date of access: 30.05.2011).
22. Fighting Poverty to Build a Safer World: A Strategy for Security and Development // UK Department for International Development, 2005. URL: <http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/+http://www.dfid.gov.uk/documents/publications/securityforall.pdf> (date of access: 24.05.2011).
23. Fragile States Policy // UK Department for International Development. January 2005. URL: www.dfid.gov.uk/Documents/publications/fragilestates-paper.pdf (date of access: 25.05.2011).
24. Fragile States Strategy // US Agency for International Development. January 2005. URL: http://www.usaid.gov/policy/2005_fragile_states_strategy.pdf (date of access: 25.05.2011).

25. Global Monitoring Report 2011: Improving the Odds of Achieving the MDGs // World Bank. 2011. URL: <http://siteresources.worldbank.org/INTGLOMONREP2011/Resources/7856131-1302708588094/GMR2011-CompleteReport.pdf> (date of access: 27.05.2011).
26. Hadfield A. Janus Advances? An Analysis of EC Development Policy and the 2005 Amended Cotonou Partnership Agreement // *European Foreign Affairs Review*. 2007. No. 1. P. 39–66.
27. Hettne B. Approaches to the Study of Peace and Development: a State of the art report // Executive Secretariat EADI. 1984.
28. Hettne B. Development and Security: Origins and Future // *Security Dialogue*. 2010. No. 1. P. 31–52.
29. Howell J. Now Osama bin Laden is No More, is it Time to Reflect on the Delinking of Aid? // London School of Economics. 18.05.2011. URL: <http://blogs.lse.ac.uk/waronterror/2011/05/18/now-osama-bin-laden-is-no-more-is-it-time-to-reflect-on> (date of access: 25.05.2011).
30. Howell J., Lind J. Changing Donor Policy and Practice in Civil Society in the Post-9/11 Aid Context // *Third World Quarterly*. 2009. Vol. 30. No. 7. P. 1279–1296.
31. Howell J., Lind J. Counter-terrorism, Aid and Civil Society: Before and After the War on Terror. UK: Palgrave Press, 2009.
32. Human Development Report 1990 – Concept and Measurement of Human Development. N. Y.: United Nations Development Programme, 1990.
33. Human Development Report 1994 – New Dimensions of Human Security. N. Y.: United Nations Development Programme, 1994.
34. Kühn F. Equal Opportunities: Exploring the Turning Point between Securitization and Developmentalization. Draft Paper prepared for the 49th International Studies Association Annual Convention, San Francisco. 26–29 March 2008. Panel “Securitization of Development or Developmentalization of Security?”
35. MacFarlane S.N., Khong Y.F. Human Security and the UN: A Critical History. Bloomington: Indiana University Press, 2006.
36. Muggah R. Security and post-Conflict Reconstruction: Dealing with Fighters in the Aftermath of War. L.: Routledge, 2009. P. XVIII.
37. The National Security Strategy of the United States of America // The White House. May 2010. URL: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf (date of access: 18.08.2010).
38. The National Security Strategy of the United States of America // The White House. September 2002. URL: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2002/> (date of access: 25.05.2011).
39. The National Strategy for Combatting Terrorism. February 2003. URL: https://www.cia.gov/news-information/cia-the-war-on-terrorism/Counter_Terrorism_Strategy.pdf (date of access: 25.05.2011).
40. Obama: Troops Alone Cannot win in Afghanistan. 18.02.2009. URL: http://articles.cnn.com/2009-02-18/politics/obama.afghanistan.canada_1_afghanistan-environmental-and-labor-protections-troops?_s=PM:POLITICS (date of access: 29.05.2011).
41. President Bush’s Speech at the United Nations Financing for Development Conference in Monterrey, Mexico. 22 March 2002. URL: http://www.pbs.org/newshour/updates/march02/bush_3-22.html (date of access: 24.05.2011).
42. Principles on Good International Engagement in Fragile States and Situations. Paris: OECD/DAC, 2007. URL: <http://www.oecd.org/dataoecd/61/45/38368714.pdf> (date of access: 25.05.2011).
43. Rice C. Realizing the Goals of Transformational Diplomacy. Testimony to the Senate Foreign Relations Committee // U.S. Department of State. 15 February 2006. URL: <http://www.state.gov/secretary/rm/2006/61209.htm> (date of access: 27.05.2011).
44. Rocha Menochal A. State-building for Peace: A New Paradigm for International Engagement in Post-Conflict Fragile States? // EUI Working Paper. 2010. No. 34. Florence.
45. A Secure Europe in A Better World: European Security Strategy // Council of the European Union. Brussels. 12.12.2003. URL: <http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cmsUpload/78367.pdf> (date of access: 27.05.2011).
46. Shannon R. Playing with Principles in an Era of Securitized Aid: Negotiating Humanitarian Space in Post-9/11 Afghanistan // *Progress in Development Studies*. 2009. No. 1. P. 15–36.
47. Special Address by Tony Blair, Prime Minister of the United Kingdom, at the Annual Meeting of the World Economic Forum. 27.01.2005. URL: http://www.gavialliance.org/media_centre/press_releases/2005_01_25_TBlairSpeech_pr_WEF.php (date of access: 25.05.2011).
48. Stoddard A., Harmer A., DiDomenico V. Providing Aid in Insecure Environments: 2009 Update // Humanitarian Policy Group Policy Brief. 2009. No. 34.
49. Strengthening the Security-Development Nexus: Assessing International Policy and Practice Since the 1990s. N. Y.: International Peace Academy, 2004.
50. Supporting Statebuilding in Situations of Conflict and Fragility: Policy Guidance DAC // Guidelines and Reference Series. Paris: OECD Publishing, 2011. URL: http://www.oecd-ilibrary.org/development/supporting-statebuilding-in-situations-of-conflict-and-fragility_9789264074989-en (date of access: 25.05.2011).

51. Transcript of Hillary Clinton's Confirmation Hearing // Council on Foreign Relations. 13.01.2009. URL: <http://www.cfr.org/us-election-2008/transcript-hillary-clintons-confirmation-hearing/p18225> (date of access: 27.05.2011).

52. Waever O. Securitization and Desecuritization // On Security / R. Lipschutz (ed.). N. Y.: Columbia University Press, 1995. P. 46–86.

53. World Development Report 2011. Conflict, Security and Development. Washington, D.C.: World Bank, 2011. URL: http://wdr2011.worldbank.org/sites/default/files/pdfs/WDR2011_Full_Text.pdf (date of access: 27.05.2011).

54. Zoellick R.B. Fragile States: Securing Development // Survival. 2008. No. 6. P. 67–84.